

УДК 141

Е.В. Ройзман

Фонд «Город без наркотиков», г. Екатеринбург

КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ...

Материал опубликован в книге: Ройзман Е.В. Город без наркотиков. М.: Изд-во «Центрполиграф», 2014. 448 с. ISBN: 9785227050960 (<http://biznes-kniga.com/rojzman-e-v-gorod-bez-narkotikov/>). Печатается с небольшими сокращениями с разрешения автора.

...Я люблю этот город. Я здесь родился и вырос. Меня здесь мама за ручку водила. Это мой город. Я не отдам его подлым наркоторговцам. Кому, мне страшно? Если страшно, надо собирать своих малолетних детей и пожилых родителей в охапку и бежать из страны. Я не побегу. Чтобы в своей стране и каких-то барыг бояться? Не будет такого никогда. Это я тебе говорю. Это моя страна, мне отсюда некуда бежать. И никто мне не запретит сопротивляться...

Начиналось это всё давно, но особого внимания никто не обращал. В начале 1980-х наркоманов в городе было человек 30. Все друг друга знали. Ездили за маком, «подрезались», варили кукнар. Выкупали лекарства по поддельным рецептам, запутывали медсестер, воровали из больниц. Умудрялись даже, переодевшись в белые халаты (верх цинизма), собирать остатки неизрасходованного морфина у родственников только что умерших раковых больных. Покупали мак стаканами у цыган на Уктусе, в Пышме и Большом Истоке. Собирались на притоне у Толика Дулевича. Варили ханку, там же кололись.

Года с 1986-го начала торговать шалой Танька Морозовская и её муж цыган Чухманя. Через несколько лет они стали торговать опиумом. Чухманя ходил по поселку в плисовых шароварах и с маузером на боку. Милиционеры его уважали и побаивались. На месте «развалюхи» на Тельмана, 48, Чухманя с Танькой стали строить огромный особняк, что-то среднее между пагодой и готическим собором. Все цыгане ему завидовали. Насмотревшись на это, в 1989-м стали торговать несколько братьев крымских цыган Оглы, которые жили тогда на Циолковского, 8. Потом цыгане постреляли друг друга, но первые опиумные войны прошли незамеченными. В начале 90-х цыгане торговали в Пышме, Арамиле, Берёзовском и во всех цыганских посёлках города. Но надо знать цыган. Никогда они не начнут торговать из дома в открытую, пока не договорятся с милицией.

Таджиков ещё не было. Они появились позже и жили почти в каждой цыганской семье на положении рабов. Самостоятельными они стали потом. Поднялись такие фигуры, как Гайрат из «Трансагентства», залезший с этой темой к «афганцам», Абдулла Шарипов, Хамза, Исмагулло и, наконец, подполковник, а тогда еще капитан милиции

Даврон Хусенов... Чуть раньше появились разные кирсановы и ивановы. (*Кирсанов работал в УВД города, потом в ОБНОН. Когда-то был честным. Потом задружился с Морозовской и другими. Был умнее многих. Когда мы начинали в 1999 году, подняли шум и обозначили его как одного из коррумпированных, Кирсанов быстро свалил в Москву и сейчас делает карьеру. А вот его другу генералу Васе Руденко — рушайловскому недобитку повезло меньше. В Москве его быстро раскусили и карьеру ему обломали. Миша Иванов — сотрудник УВД города, приехал из Белоруссии зарабатывать деньги. Быстро понял, что происходит, подружился со всеми цыганами, участвовал в процессе. Не вылезал из цыганского поселка, составлял нешуточную конкуренцию Кирсанову*). Салимовы и кашаевы утвердятся уже позднее, когда появится героин.

Все происходило постепенно. Катастрофа надвигалась. Но тогда еще никто ничего не понимал...

В середине 1990-х у моих друзей стали умирать дети. Причем 15—16-летнего возраста. Убитые горем родители все скрывали. Говорили: «Умер во сне», или «Остановилось сердце», или «Задохнулся в гараже». Боялись и стеснялись говорить правду. Но люди все понимали, потому что в те годы уже у очень многих дети стали наркоманами. Те, что были побогаче, отправляли детей в Испанию, Эмираты, возили к Назаралиеву, платили сумасшедшие деньги, но ничего не помогало. Те, у кого денег не было, просто опускали руки. Помощи ждать было неоткуда. У меня товарищ есть — солидный деловик, директор завода. Многие его знают. У него в 1999 году из четверых детей... наркоманами были трое! Он даже понять не успел, как это произошло.

На Уралмаше в начале лета 1998 года в одном из дворов на ул. Индустрии появился цыганенок. Только начались каникулы. Местные пацаны, человек двенадцать, собрались на лавочке во дворе. Цыганенок к этим пацанам и подвалил. «Че сидим как лохи?» — «А че делать-то?» — «Давай пыхнем». — «Как пыхнем?» — «Как? Забьём и пыхнем!» — «А где взять-то?» — «Да у меня есть, угостили. Поделюсь». Забили, пыхнули — прикольно. На следующий день - то же самое. На третий день цыганенок озадаченный появился. Пустой. «Чёрт, барыга сказал — без денег больше не даст». — «Ну, какие проблемы?» Пацаны пошарились по карманам, сбегали домой, скинулись, цыганенок стогнял — забили, пыхнули. И так всю неделю.

И вдруг цыганёнок пропал. Во дворе тоска. Чего-то не хватает. Появляется через неделю. «Пацаны, че у меня есть!» — «Чё, забьём?» — «Да какой там забьём! У меня в 100 раз круче! Белый — попробовать дали!» — «А чё с ним делать-то?» — «Чё, нюхать!» Нюхнули. Кто кайфанул, кто переблевался.

Назавтра появился снова. Кто с первого раза кайфанул — те потянулись. А которые переблевались — решили повторить, понять, с чего те кайфанули. Может, не распробовали?

Через день цыганёнок принес уже за деньги. Деньги собрали. У одного денег не было, но цыганёнок добрый — плеер взял. Плеер, кстати, не самого пацана, а сестры его младшей. Поездил так месяц, а потом исчез.

Солнце зашло. Жизнь кончилась. Весь двор гудит, все ищут, где взять. Нашёлся один продвинутый, разыскал цыганёнка, собирал деньги, брал у него оптом, привозил во двор. Как ни вечер — все обнюханные. Наконец дошло, что колоть — дешевле. И началось.

Кончилось лето. Мявкнуть не успели — полдвора наркоманов. Никто даже ничего не понял. Потащили у родителей. Трещали соседские квартиры. Вскрывали машины. Далеко не ходили, все вокруг двора. С осени — в школу, кто в 72-ю, кто в 100-ю. Кто-то в училище 82-е, кто-то в техникум. «Понесли культуру в массы». А цыганёнок перебрался во дворы на Избирателей. Вы, наверное, спросите, где была милиция? — Вот бы знать-то! (*Об этом дворе можно написать целый детектив со стрельбой, погонями,*

убийствами, самоубийствами, предательствами, крушением надежд и несчастной любовью. Только это будет книга с очень плохим концом.)

В начале лета 2000 года, когда открылись перевалы, в городе действовала ещё более жёсткая схема: несколько подлых таджиков ездили по Уралмашу, Эльмашу и давали наркоманам героин на реализацию по 100 — 200 граммов. Денег не требовали. А какая реализация? Наркоману попал в руки героин — он его и проколол. А таджикам того и надо. Потом ездили по дворам таджикские бригады, вышибали деньги. Сколько было квартир тогда проколото! Сколько машин отправлено в Таджикистан! Этим умников удалось остановить дедовским способом. Уралмашевцам спасибо.

Мало того, наркоманами становились взрослые люди. На дискотеках в «Каньоне», «Эльдорадо», «Юле» экстази торговали почти в открытую. В чилаутах свободно курили. И нюхали кокаин. У модных девиц швыркать носом было признаком хорошего тона. Постоянно велись разговоры: тусовщики — продвинутый бомонд, хвастались, кто сколько денег потратил на наркотики и кто сколько отдал за лечение. Всё было в порядке вещей. Мы узнали, что в «Юле» торгуют наркотиками. «Юла» принадлежала уралмашевцам. Я нашел Хабарова. Хабаров позвонил Игорю Новожилову. Спросил: «Юла» наша?» Игорь говорит: «Наша». Хабаров говорит: «Закрываем». И закрыли, даже разбираться не стали.

Появилась мода. Моду переняли в заведениях попроще. Из «Люка» после дискотек шприцы выметали метлой. У подростков и в школах появился слоган: «Кто не колется — тот лох». Те, кто уже замазались, старались затащить нормальных людей. А вот дискотеку «Люк», редкостную клоаку, мы показали по телевизору и сказали, что там торгуют наркотиками. Так владельцы помещения, милицейский фонд «Правопорядок», который возглавлял бывший начальник ОБЭП ГУВД области Ралдугин, подали на нас в суд. Судья попалась честная, и суд менты проиграли. Но дискотеку закрыть не дали. Там так и продолжали торговать наркотиками. Клубом этим руководили родственники Ралдугина — сын и зять.

Нам привезли маленького подонка из Кольцово. Каждый день в школе он продавал грамм по фитюлям (0,1 г). За каждый проданный грамм получал фитюлю. То есть, чтобы самому колоться, он снабжал еще десятерых. Это только один конкретный случай. Но все дети цыган-наркоторговцев распространяли в своих школах героин. И Кольчапа посадил всех своих одноклассников на Вторчермете, и петырины племянники Базылевы снабжали всю школу на юго-западе, и многочисленные Оглы, Бардиновы, Морозовские.

У нас на фирме были два толковых парня. Они уже заработали какие-то деньги. Один мерзавец целый месяц уговаривал их попробовать кокаин. Уговорил. Сначала они кокаин нюхали. Потом стали мешать с героином. Потом стали нюхать героин. Потом стали колоть. Сгорели прямо на глазах. Алексей погиб, Игорь Сухов превратился в ребенка, но перед этим успел посадить своего одноклассника Мишку Керна. На все ушло полгода. Самому мерзавцу, кстати, хоть бы фиг. Он бросил.

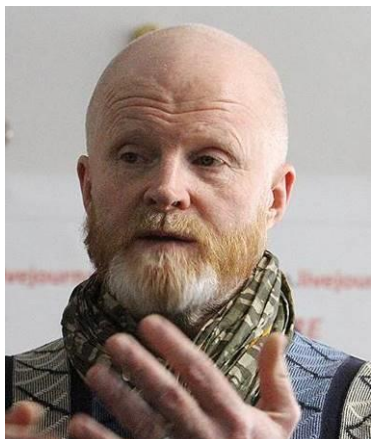
У меня в подъезде на Уралмаше, где я живу, происходило что-то страшное. На третьем этаже мой сосед Игорь торговал героином. По лестницам невозможно было пройти: сидели и лежали невменяемые... Все пространство между оконными рамами было завалено шприцами с кровью. Они покупали у Игоря на третьем, а кололись на втором и на четвертом. Машину нельзя было оставить даже на 5 минут — разбивали стекла, вытаскивали колонки, аппаратуру. Я ловил их, вышвыривал из подъезда, предупреждал Игоря. На день-два затихало, потом начиналось снова. Я устал их бить. Я был в растерянности. Я не понимал, как с этим бороться. Тогда я даже не представлял, что это такое...

К 1999-му году наркотиками торговали по всему городу в открытую, ничего не боясь. В школах из туалетов выносили шприцы. В таких районах, как Пехотинцев и За-

речный, половина пацанов были наркоманами. Цыгане ставили лошадям золотые зубы и строили особняки. Если кто-то из наркоторговцев попадал в тюрьму — это считалось событием. Все, кто жил в те годы в Екатеринбурге, помнят, что творилось в городе.

Менты рассказывали сказки, что с наркоторговлей бороться невозможно. Мол, весь мир борется, и все бесполезно. Врачи рассказывали, что наркоманию лечить бесполезно, что бывших наркоманов не бывает (однако не стеснялись при этом брать деньги за лечение). Сейчас я уже не понимаю, как мы, жители города, все это терпели... У нас на Толмачева, 11, где «Ювелирный дом», каждый день наркеры вскрывали по несколько машин, выдергивали колонки, магнитофоны, хотя парковка была охраняемая. В большинстве случаев охране удавалось этих подонков отловить. У них отнимали награбленное, естественно, били. Милиция их не принимала. В конце концов, их просто пинали под зад и выпускали. Потом они попадались снова. Мне их было жаль.

Однажды мы с Вадимом Чуркиным в «Монетке» встретили Дюшу (Андрея Кабанова. *Прим. ред.*). Я ему рассказал про этих наркоманов и добавил: «Больные люди!» — «Что?! Это ты мне говоришь?! Я колосся 11 лет и про наркотики я знаю всё. Наркоман — это такая скотина... Ни хрена себе болезнь нашли... Воровать, грабить, убивать, друзей предавать, родителей в гроб загонять, а самому кайфовать? Да где ж это видели такую “болезнь”?!» — «Дюша, что ты предлагаешь?» — «Не знаю, — говорит он, — так жить нельзя. Надо что-то делать». Я и сам понимал, что надо что-то делать, но что — не знал.

Дюша разговаривал не только со мной. Он пытался растолкать всех. Встретился с Хабаровым. Разговаривали полтора часа. Хабаров сказал: «Если вы начнете — мы вас поддержим». Это было уже что-то. Но плана никакого не было.

Я познакомил Дюшу с Андреем Санниковым — автором программы «Земля Санникова». С Андреем мы учились в университете на истфаке и писали стихи. Санников утверждает, что замечательные. Потом мы занимались спасением Шуралинского детдома. И не раз еще работали вместе. И Дюша и Андрей — оба люди православные, легко подружились и стали готовить большую правдивую передачу про наркотики.

Через некоторое время в ресторане «Каменный мост» состоялся банкет. (*В июле у этого ресторана мы с Дюшей встретим Игоря Варова и он примкнет к нам.*) Повод для банкета был вот какой. Епископом у нас в Екатеринбургской епархии был Никон (Миронов), человек безнравственный, развращенный до крайности и, попросту, неверующий. Летом 1999 года Никона лишили кафедры и отправили на покаяние. Произошло это во многом благодаря журналистам, которые жестко весь этот скандал отражали и комментировали. Был создан прецедент, когда простые люди, опираясь на средства массовой информации, смогли противостоять властям.

На банкете собрался весь цвет екатеринбургской журналистики: Тимур Иванов, умный Женя Енин и язвительный Стас Белов («4 канал»). На крыльях любви прилетела Кася Попова («ТАУ»). Пришла строгая Оксана Куваева («АТН») почему-то с сопровождающим. Приехали Саша Орлов и Света Лин («41 канал»). Присутствовал серьезный Андрей Санников («10 канал»). Появилась даже Таня Солодянкина.

Всего было человек 20. Многие вместе учились в университете. Кто-то вместе начинал работать. В общем, оказалось, что все мы друзья, любим наш город, уважаем друг друга, и делить нам нечего. Я произнес речь: «Друзья! Общими усилиями нам удалось избавить город от одного подонка. Давайте решим, что мы еще можем сделать для нашего города. Предлагаю 2 темы: фашисты и наркотики». — «Нет-нет, — закричали журналисты, — фашистов трогать нельзя. Если их не трогать, они сами сдохнут. Давайте ударим по наркотикам!» — «Все, — говорю, — состоялось». За это и выпили.

В общем, утром всё все забыли. Но я-то не забыл. Звоню Енину. «Есть, — говорю, — тема. Мой товарищ 11 лет был наркоманом, но он бросил. Бросил сам. Мало того, помог еще человекам десяти. Он готов об этом рассказать». — «Здорово! — говорит Енин. — Давай я его в «Стенд» приглашу». — «Все, — говорю, — приглашай! Только мне с ним самим надо договориться». Дюшу уговаривать не пришлось. «Какие тайны? Весь город знает. Все расскажу, как есть». Это было в августе 1999 года. Дюша одел цветную гавайскую рубашку и отправился в «Стенд».

С этого все и началось.

Женя Енин всегда вел себя порядочно. Когда мог, помогал. Когда не мог, честно говорил — почему. Такую же позицию заняла Наташа Минц. Ей было очень непросто. Работала она на «41 канале». Когда мы уже заявили, Кася Попова привела меня к Шеремету. Он, как и мы с Санниковым, учился в университете и жил даже в одной комнате в общежитии с Валерой Горелых — нынешним начальником пресс-службы ГУВД. С Иннокентием мы долго разговаривали. Он внимательно слушал, думал, спрашивал. А потом сказал просто: «Я с вами». И это было действительно так. Все эти годы в самых тяжелых ситуациях он всегда был с нами. Не хитрил, не лукавил, не отъезжал. Он просто был одним из нас. Мы делали свою часть работы, он делал свою. Мы делали общее дело. Мы уважаем Шеремета. Мы уважаем Влада Некрасова и всех ребят и девчонок. А «ТАУ» (Телевизионное Агентство Урала) — любим.

К тому времени, когда Дюша пошел в «Стенд», они с Андреем уже две недели готовили «Землю Санникова». И вот Дюша нам говорит: «Поехали. Я покажу вам, что такое наркоторговля». Приезжаем в цыганский поселок. Теплый летний вечер. Я РАССКАЗЫВАЮ ВАМ ТО, ЧТО ВИДЕЛ СВОИМИ ГЛАЗАМИ. Напротив Тельмана, 12, стоит милицейский узик. На капоте порезанный ананас и открытая бутылка шампанского. Пэпээсники рядом. Один выворачивает карманы у какого-то нарка, двое других повели какую-то наркоманку в гаражи. На веранде накрытый стол. За столом Коля Резаный, Махмуд и офицеры-менты. Повар-таджик жарит им шашлыки. На улице сидит толстая цыганка. Торгует прямо с лотка. Возле нее постоянно несколько наркоманов. Покупают — и отходят. Рядом расстелен большой ковер. На ковре — хрустальные вазы, норковые формовки, какие-то магнитофоны. Скупка краденого. У колонки «отъезжает» какая-то девка. У нее передоз. Всем пофиг. Постоянное движение и сотни, сотни, сотни наркоманов.

Мы остановились. Ни цыгане, ни менты не обратили на нас внимания. Тогда они нас еще не боялись. «Поехали отсюда», — говорю. Дюша говорит нам: «Ну что, поняли, что это такое?» Санников тихим голосом отвечает: «Я не верю. Я не понимаю». А я молчал. У меня просто побелело в голове. Представляете, ЭТО — МОЙ ГОРОД. И ЕСЛИ ЭТО ВОЗМОЖНО В МОЁМ ГОРОДЕ, ТО КТО ТОГДА Я ТАКОЙ?

После того, что увидели, остановиться мы уже не могли.

Через несколько дней Санников, просидев сутки на чердаке строящегося дома, заснял, как менты приезжают на Тельмана, 12, за деньгами. Деньги выносила Лена Коляска. Конечно, Санников эти кадры тут же поставил в эфир. У ментов был шок. Как, вы думаете, они отреагировали? Они сказали: «Да это актеры переодетые!» Ну-ну. А машины ментовские мы напрокат взяли. А цыган пригласили из театра «Ромэн»...

Через некоторое время к нам приехала диковатая комсомолка из «Комсомолки» Ульяна Скойбеда и говорит: «Вы все неправильно сделали. Вы поторопились. Вам надо было накопить эти съемки, выждать время и дать их в эфир». Наверное, с точки зрения журналиста так и надо было поступить, но по-человечески так не годится. Когда горит дом, у некоторых журналистов задача найти нужный ракурс, красиво поднять и интересно рассказать. А по-человечески надо не думая тушить огонь и всеми способами спасать людей. Ульяна этой разницы так и не поняла. *(Мы встречали и других журналистов. Когда доходит до дела, они забывают все и бросаются на помощь.)*

Конечно, не публикуя, это можно было снимать еще несколько лет. Тогда никто никого не боялся. Цыгане торговали в открытую. Офицеры всех служб, не стесняясь, ездили за деньгами к Маме Розе, к Таньке Морозовской. Пэпээсники в открытую получали ежедневно с каждой точки по 300 рублей. Пешие менты, которых наркоманы презрительно называли «чупа-чупсами», собирали с точки по соточке. И не стесняясь, дербанили наркоманов: забирали у них героин и уже, как свой, отдавали цыганам на продажу. Кстати, когда цыгане по какой-то причине не торговали, наркоманы покупали героин в поселке у ментов. Мы могли снять целое кино. Просто увидев это своими глазами, молчать было уже невозможно. Во время наркокатастрофы начальником УВД города был Овчинников. Начальником криминальной милиции Ленинского района был его родственник, ныне генерал Филиппов. Вся торговля в цыганском поселке Ленинского района процветала на его глазах. Считаю, что оба должны нести персональную ответственность.

И Санников подготовил передачу «Наркотеррор». В городе только об этом и говорили. Через две недели Санников снова вышел в прямой эфир с материалами журналистского расследования и кадрами скрытой съемки и предложил жителям города звонить прямо сейчас. Обвал звонков. Звонки звучали в прямом эфире. Жители рассказывали такое, что волосы вставали дыбом.

Мне стало не по себе, просто страшно. Я выключил телевизор. Звонит телефон. В трубку кричат: «Женя, это Хабаровов говорит. Женя, что они делают?! Они сошли с ума. Их убьют! Скажи Дюше — я с вами. Пусть называет меня. Пусть называет всех нас. Нас побоятся». Я говорю: «Александр, вот телефон: 49-59-63. Они оба в студии. Позвони — скажи. Им будет полегче». Хабаровов дозвонился. Звонки шли до 3 часов ночи. Решили сделать экстренный выпуск.

На следующий день телекомпания вышла в эфир на полчаса раньше. Побледневший Дюша, глядя прямо в камеру, сказал: «Мы объявляем войну наркоторговцам...», и добавил: «Мы — это жители города», и назвал священников Православной церкви, уралмашевцев, известных спортсменов и нас всех. Война была объявлена.

У уралмашевцев сразу же возникли проблемы. Хабарова куда-то вызывали, чем-то угрожали, уговаривали, взывали к благоразумию. Он никогда на эту тему не распространялся. Когда прозвучали уралмашевские фамилии, менты обрадовались, бросились во все СМИ и уверенно обозначили: «Это Уралмаш. Бандиты вздумали с наркотиками бороться», и несколько лет носились с этой темой, как с писаной торбой. Хотели опорочить Фонд. Дескать, Фонд с Уралмашем. В результате оказали Уралмашу неопценимую услугу — теперь вся страна знает, что Уралмаш борется с наркотиками. А Фонду оказали еще более ценную услугу — помогли создать грозное имя. Теперь наркоторговцы по всей России уверены, что за Фондом стоит Уралмаш.

А потом, уже в сентябре, было знаменитое «стояние в цыганском поселке». Мы собрались в подвале у Игоря Варова. Было нас человек 20. Какие-то медики, предприниматели, Миша Чурбанов — из молодежного «Единства», Толя Белик, известный спортсмен Юра Бекишев, ребята из бизнес-клуба, Юра Крюченков, тренер Александр Оберюхтин, т. е. самые разные люди. Из уралмашевцев — только Хабаров. Он и предложил провести митинг в цыганском поселке: в самом логове на пересечении улиц Печатников, Тельмана и Военного Флота. Все поехали собирать людей.

На следующий день в цыганском поселке нас было человек 50. А уралмашевцев — 500. Одни мужики. Постояли, помолчали. Цыгане были в ужасе. Почти все СМИ объявили, что акция — уралмашевская, хотя на самом деле она была общая. Сразу после этого я позвонил полковнику ФСБ Рахманову. «Сергей Анатольевич, — говорю, — поехали, посмотрим, что в поселке происходит». Едем по Шаумяна. Начиная от Чкалова, в сторону Амундсена идет поток молодых людей. Толпа у 11-го дома на Шаумяна. Стоят и сидят на корточках у телефонной будки на углу. Запружены улицы Печатников, Военного Флота, Тельмана, Любы Расковой. Народу — как на демонстрации. Чуть пореже толпа в районе гаражей на Волгоградской. (*В этих гаражах каждую весну находили оттаявшие трупы.*) Многие рассредоточились напротив — у больших домов через улицу. «Что это?» — спросил побледневший Сергей Анатольевич. «Да ничего, просто цыган напугали, и они с утра не торгуют. А нарки все прибывают». Мы сделали два круга по поселку. Прокатились по Транзитному, по Амурской, по Автономных Республик. Везде та же картина. Полная тишина и толпы, толпы, толпы наркоманов. Броуновское движение. Все ждут, когда начнут торговать. Рахманов был просто белого цвета. Да и я, наверное, не лучше. Мы как будто на другой планете побывали.

С 2000 года уралмашевские в непосредственной работе не присутствовали и в нашей работе участвовали брендом. Но если бы нам потребовалась помощь и мы бы к ним обратились, они всегда бы включились. Уралмашевцы начинали с нами и поддерживали нас в самое тяжелое время. Я думаю, что во многом б л а г о д а р я и м м ы о с т а л и с ь ж и в ы (*разрядка ред. В.У.*). Один ехидный журналист (Андрей Кирисенко, «Взгляд») той осенью осторожно спросил отца Авраама: «Как Вы считаете, могут ли бороться с наркотиками люди, которых подозревают в связи с криминальным миром?» Батюшка ответил просто: «Они не могут. Они обязаны».

Через некоторое время на площади 1905 года мы собрали несколько тысяч человек. Это была уже не горстка безумных парней. К нам потянулось население. Первое, что мы сделали — назвали вещи своими именами: показали барыг в лицо, назвали фамилии — пусть люди видят, кто убивает наших детей. Назвали тех, кто кормится с этого, назвали должности и звания. И наконец, общими усилиями мы сделали так, что у наркоторговцев земля загорелась под ногами. И барыги поняли, что в нашем городе жить спокойно им не дадут. Такого в России еще не было. Мы сделали это.

В сентябре мы поставили пейджер — 002 абонент «Без наркотиков», куда все люди могли сбрасывать сообщения о фактах наркоторговли, и сразу же продублировали его в ФСБ. Пейджер раскалится докрасна. Начальник ГУВД области генерал Красников сопротивлялся, как мог, врал и изворачивался, но пейджер не поставил. Вообще, менты всегда боялись этих сообщений, как огня. Мы время от времени публиковали их в газете «Вечерние ведомости». У нас была программа, которая фиксировала сообщение о наркоторговле красным флажком и наносила на карту города. Весь город был утыкан флажками. Самое большое количество красных флажков было расположено вокруг отделов милиции: Ленинского, Кировского и Чкаловского.

Однажды Женя Енин меня спросил в прямом эфире: «Вот вы боретесь с наркотиками, у вас получается. Почему же вас до сих пор не убили?» Я промолчал, потому что всегда избегал этой темы, а про себя подумал: «Мы-то ладно. А вот ты, Женя, такие вопросы задаешь — и до сих пор живой? Удивительно». Конечно, было тревожно. Но

ведь знали, на что идем. Страшно? Конечно, страшно. Но когда от наркотиков дети умирают — страшнее.

В 2000 году нас с Варовым пригласили в ФСБ. «Парни, — говорят, — у вас очень серьезная ситуация. Был большой цыганский сходняк в Одессе. По вам было принято решение. Цыгане собрали деньги. Сюда должны приехать киллеры». — «Да в жизни, — отвечаю, — не поверю. Вы сами-то с цыганами когда-нибудь дело имели? Они способны только друг друга на свадьбах расстреливать из дустволок. Фигня это все». — «Нет, информация точная. На самом деле все серьезно. Вам надо написать заявление в УВД города. Пусть за вами поедят, посмотрят. Мало ли что». — «Да нет, — говорю. — Цыган мы можем предупредить. Они не самоубийцы. Они не полезут. А вот за милицию я не уверен. Там в УВД города такая банда подобралась, расстреляют — а на цыган спишут. Давайте не будем информацию афишировать, а то воспользуются. Спасибо вам огромное, что предупредили. Не переживайте, как-нибудь справимся».

Потом меня снова озадачили. Мы узнали, что на Варова готовится покушение. Я подъехал в офис к одному очень серьезному человеку, который понимает в жизни гораздо больше меня. Собралось человек 10. Слушали меня очень внимательно. Спрашивают: «Женя, что ты хочешь?» Я говорю: «Ничего не хочу. За Игоря переживаю». Мне говорят: «Успокойся и не переживай. Если будут валить — то будут валить тебя».

Прошло несколько лет. Много всего было за это время. Нам удавалось добиваться сноса цыганских домов. Мы задушили Ленинский цыганский поселок — основную «житницу» екатеринбургской милиции. Провели больше 1300 операций. Самые злые оптовики-цыгане семьями отправлялись за решетку. Игорь Варов, Дюша и я в самых серьезных процессах по наркоторговцам выступали общественными обвинителями. Таджики выли. Азербайджанцы скулили. Цыгане плакали. Всех крупнейших наркоторговцев мы называли по именам. Мы никогда не прятали свои лица. Ходили по нашему городу пешком и без охраны. У меня на всех футболках и на курточке на спине было написано «Город без наркотиков. Ройзман». А у Дюши было написано «Кабанов». И НИ РАЗУ, ПОВТОРЯЮ, НИ РАЗУ МЫ НЕ ВСТРЕЧАЛИ СОПРОТИВЛЕНИЯ НАРКОТОРГОВЦЕВ! Но милиция сопротивлялась отчаянно.

Сначала нас пытались оболгать. Врали жителям про какой-то передел рынка. Запрещали снимать. Хотели разгромить Фонд, закрыть реабилитационный центр на Изоплите. Пытались опорочить саму идею. Посылали в Москву какие-то лживые бумаги. Всеми способами отстаивали наркоторговцев. И все время врали, врали, врали... Дурочки какие-то. Просто идиоты.

Когда мы начинали, вокруг нас было очень много народу. Самые разные люди. Наши друзья, компаньоны, сотрудники. Были и те, кто искал заработать денег, кто-то искренне хотел помочь. Кто-то смотрел, как движение можно использовать в политических целях. Несколько известных медиков мечтали с нашей помощью залезть на бюджетные деньги. В какой-то момент все поняли, что это — война. Стало по-настоящему страшно. Люди стали отходить. Просто реже появлялись, не принимали участия в ежедневной рутинной работе. У каждого был свой бизнес, своя семья. Да и нет никаких обид. Нельзя требовать от других то, что требуешь от себя. Говоря проще, то, что произошло, было обычное народное восстание. И в восстании приняли участие все. Но потом началась война.

И вдруг мы увидели, что остались втроем, да еще Санников под следствием. Ощущение было изумительное. Все закричали «Ура!», выскочили из окопа и побежали в атаку. Когда до вражеских позиций оставалось несколько шагов, мы вдруг увидели, что нас только трое и за нами никто не побежал... Конечно, никто нас не бросил, нам помогали все, друзей у нас было очень много и никуда они не делись, просто из окопа выскочили только мы, и вся ответственность ложилась именно на нас троих.

В то время мы втроем скидывались по 2000 долларов в месяц. (В 2001 году у меня на Фонд уже уходило 5-6 тысяч долларов в месяц, а в 2002-03 гг. 10-12 тысяч долларов, причем львиная доля расходов — оперативная работа.) Дюше было тяжелее всех — это были почти все его деньги. Нам помогали многие. Вообще, я не помню ни одного случая, когда мы в городе обратились к кому-то за помощью и нам отказали. Но пока у нас были свои деньги, мы старались не обращаться.

Когда менты уже точно поняли, что с нами договориться невозможно, они решили ударить по бизнесу. На Варова напал УБОП, вывернули наизнанку все его магазины, провели обыски, навозбуждали уголовные дела, которые, как обычно, закончились ничем. Но потрепали бизнес, и работу на какое-то время парализовали.

К нам пошли родители наркоманов. Когда мы еще сидели у Варова в офисе, по утрам зачастую было невозможно пробраться к кабинету. Стояли матушки, бабушки, унылые отцы. Все просили помощи. С ними разговаривал Дюша. Но мы тогда еще никого не брали. *(Многие родители договаривались с ментами и устраивали своих детей в тюрьму по ст. 228, ч. 1. В этом случае ребенок получал шанс выжить. Когда он освобождался через 1-2 года, многих его друзей уже не было в живых).*

И вот в октябре Варов увидел в своем магазине «СВ 2000» упорного наркомана. «Хочешь бросить?» — спросил. «Хочу», — равнодушно ответил нарк. Варов привел его в подвал, купил всякой еды и прицепил наручниками. *(Антон Борисов колелся с 14 лет. Воровал. На него было возбуждено несколько уголовных дел. Я лично ездил в Верховный суд общественным защитником. Судья Павлов принял наше поручительство и дал Антону условный срок. Сейчас Антон не колется уже пятый год, работает, поступил в институт, иногда появляется у нас).* Через два дня в подвале было уже семь человек. Дюша был против. Он доказывал нам, что нас всех посадят. «А что делать?» — спрашивали мы с Варовым. Кстати, из тех семерых не колется сейчас ни один.

Вообще, когда мы начали в конце лета 1999-го, когда прошли первые акции в цыганских поселках и митинг, все наркологи отметили, что приток наркоманов в клиники увеличился в 4 раза. Но у нас пик пришелся на 2000-й год. Каждый день в Фонд на Белинского приходило 30, 40, а то и 50 человек и умоляли, чтобы мы спасли их детей. В то время у нас было уже 2 реабилитационных центра: на Изоплите и на Белоярке. Больше 150 человек туда втиснуть было невозможно. У нас создалась огромная очередь. В какой-то момент она доходила до 5000 (!) человек. Игорь Варов понимал, что мы не справляемся, делал отчаянные попытки вывести это все на федеральный уровень. Милицейское руководство над ним смеялось.

Мы Игоря очень любили. Он часто повторял: «Нам противостоит система. Чтобы с ней бороться, мы должны создать свою систему». И создавал. Это именно он организовал работу с пейджером, сумел наладить получение информации со «Станции скорой помощи», из «Центра СПИДа» и показал, как систематизировать ее. Это он создал уникальную базу данных по наркоманам и задержанным. Это именно Игорь рискнул взять первого наркомана и прицепить его в своем подвале. Это Варов забрал с улицы Васю, вокруг которого мы ходили несколько лет и не знали, что с ним делать. Мы Варовым гордились. Работал он день и ночь. При этом еще умудрялся как-то контролировать свой достаточно серьезный бизнес.

Со временем Игорь Варов отошел от нас, я стал президентом Фонда и мне ничего не оставалось, как поддерживать созданную Варовым систему. Кое в чем мне удалось ее даже усовершенствовать, но в целом я вынужден признать, что сегодняшнего Фонда без Игоря не получилось бы никогда.

Рецензент статьи: доктор технических наук, профессор Уральского государственного лесотехнического университета Р.Н. Ковалев.